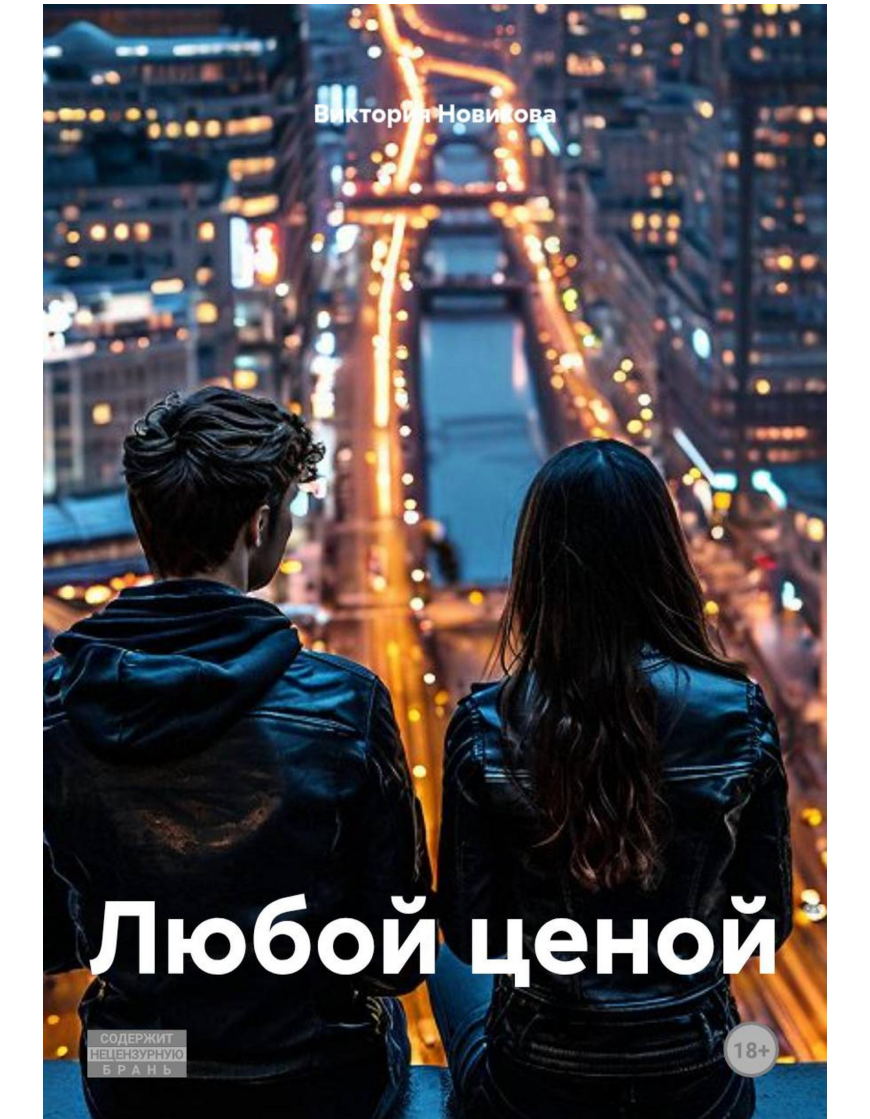

A man and a woman are seen from behind, sitting on a ledge and looking out over a vibrant city at night. They are both wearing black leather jackets. The city below is filled with warm, glowing lights from buildings and streets, creating a bokeh effect. The overall mood is romantic and mysterious.

Виктория Новикова

Любой ценой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Новикова

Любой ценой

<https://litres.ru/74303638>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетний Алекс Хэнкс ведёт двойную жизнь: днём он — незаметный школьник, а ночью — хакер по кличке Призрак. Но однажды его тайный мир сталкивается с реальным, и на кону оказывается всё, что ему дорого. Теперь, чтобы выжить, Алекс должен довериться загадочной Авроре — девушке с крыши, у которой есть свой смертельно опасный секрет...

Содержание

Глава	4
Любой ценой	5
ГЛАВА 1: Крыша	7
Глава 2: Тридцать шесть тысяч секунд	24
Глава 3. «У Ларса»	32
Глава 4. Дурацкая бордовая футболка	56
Глава 5. Невидимый	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Любой ценой

Глава

Любой ценой

Любой ценой

Автор: Виктория Новикова

Россия, г.Казань, 2026г

Семнадцатилетний Алекс Хэнкс ведёт двойную жизнь: днём он — незаметный школьник, а ночью — хакер по кличке Призрак. Но однажды его тайный мир сталкивается с реальным, и на кону оказывается всё, что ему дорого. Теперь, чтобы выжить, Алекс должен довериться загадочной Авроре — девушке с крыши, у которой есть свой смертельно опасный секрет...

Дорогой читатель!

История Алекса и Авроры родилась из мысли о том, как далеко мы готовы зайти ради любви и какую цену заплатить за безопасность близких. Это роман о взрослении, которое происходит не в школьных коридорах, а под светом неоновых вывесок и в тишине заброшенных станций метро.

Мои герои не хотели уходить — они требовали продолжения, спорили со мной и жили своей жизнью. Надеюсь, они станут живыми и для вас.

Я буду рада, если эта история найдёт отклик в вашем сердце.

С уважением,
Виктория

ГЛАВА 1: Крыша

Тишину моего подвала разрывал только ровный гул системного блока. На мониторе плясали строчки кода, словно солдаты, встроенные для последней атаки. Я чувствовал себя дирижёром невидимого оркестра, чья музыка была слышна лишь мне. В школе я был Алексом Хэнксом- серым ,ничем не Примечательным старшеклассником, который всегда сидит на задней парте и боится ,что его вызовут к доске.

А здесь, в синем цвете экрана я был - Призраком.

Пальцы привычно стучали по клавиатуре. Ещё несколько команд и я проникну в защищенную сеть одного столичного банка. Не для воровства. Просто чтобы доказать, что могу. Это был мой личный вызов,мой единственный способ почувствовать себя живым, пока вокруг все думали о предстоящих экзаменах и о выпускном.

Внезапно на личный чат пришло сообщение с зашифрованного канала: " Призрак, ты сейчас пытаешься взломать "Восточный Феникс? Остановись, за тобой следят". Ледяная волна прокатилась по спине. Я отшатнулся от клавиатуры, как от раскаленного железа. За мной? Следят? Как они могли выйти на меня? Я ведь был осторожен.

Сверху, из кухни донёсся голос м

амы: " Алекс, иди кушать!" Мир который секунду назад был у меня на ладони, вдруг съёжился на размер крупинки. Кто-то невидимый ,как и я сам , смотрел на меня из темноты.

Я резко хлопнул крышкой ноутбука. В наступившей тишине собственное дыхание казалось оглушительным. Нужно было переварить произошедшее. Отодвинувшись от стола, я на негнущихся ногах поднялся и пошел наверх, стараясь, чтобы шаги звучали обычно.

Запах жареного лука ударил в нос.

—

Сынок, у тебя все в порядке? Ты бледный какой-то.

—

Да, мам, все замечательно, – я натянул улыбку, разминая шею. – Засиделся просто. Сегодня на тренировку по баскетболу, буду осваивать новую технику броска. (Нужно не показывать страх, иначе она будет нервничать и допрашивать меня как в

каком-то детективе).

Моя мать Лейла Феникс бывший следователь по особо важным делам. 2 года назад она вышла на след одного очень крупного медийного чиновника Романовского . Ей пришлось выйти в отставку из-за этого, шишки этого чиновника вышли на неё и начали шантажировать, чтоб она не рыла яму под него, иначе они выроют яму ей и мне в буквальном смысле. После этого инцидента все замяли, удали-

ли улики, теперь работает консультантом в маленькой юридической конторе.

Отца у меня нет, если честно я и не помню его совсем, возможно я был совсем мал.

Мы не знаем где он и что с ним. Мама никогда не поднимала эту тему.

Мама: – здорово! После тренировки иди сразу домой, не задерживайся до поздна, люблю тебя! Чмокнула в лоб –хорошо..

мне 17 лет, она печётся обо мне как о маленьком, после того случая с Романовским она ограничила мне свободу. Теперь я должен приходить рано, не то чтобы я хочу гулять до поздна, но гиперопека напрягает. На тренировку я не пошёл.

Ноги сами вынесли меня к старой шестнадцатизэтажке на окраине — заброшенному офисному зданию. Охраны не было, замок на пожарной лестнице болтался на одном шурупе. Я поднимался по бетонным ступеням, и каждый шаг отдавался эхом в пустых пролётах. Здесь меня никто не найдёт. Здесь можно дышать.

Крыша встретила ветром — резким, пахнущим дождём, хотя туч не было. Я сделал шаг к своему обычному месту у парапета и замер.

На краю, свесив ноги в пустоту, сидела девушка.

Ветер трепал тёмные волосы, выбившиеся из небрежного пучка. На ней была кожанка на размер больше, потёртые джинсы, на запястье — пара кожаных шнурков с мелкими бусинами. Она не обернулась, только чуть наклонила голову — слушала мои шаги.

— Если хочешь прыгнуть, займи очередь, — сказала она. Голос был спокойным, с хрипотцой, как у человека, который долго молчал. — Здесь только одно место.

Я замер.

— Я не прыгать. Я просто...

— Подумать, — закончила она за меня. — Все так говорят. — Она похлопала ладонью по бетону рядом с собой. — Садись. Только не читай нотации про «это опасно». Терпеть не могу.

Я колебался. Чужой человек на моём месте. Но что-то в её позе — расслабленной и напряжённой одновременно, как у кошки, которая притворяется спящей, — заставило меня подойти и сесть рядом.

Город внизу дышал. Цепочки фар ползли по магистра-

лям, неоновые вывески пульсировали в такт чьему-то чужому ритму. Отсюда всё казалось ненастоящим.

— Ты часто сюда ходишь? — спросила она.

— Когда нужно сбежать.

— От кого?

Я помолчал.

— От мамы. От школы. От себя.

Она хмыкнула — не насмешливо, а понимающе.

— Хороший ответ. Честный.

И тут она повернулась. Свет упал на лицо.

Я вдруг понял, что не дышу. Глаза светлые — почти прозрачные, как выгоревшее на солнце стекло. Нос тонкий, вздёрнутый, будто ей всё время смешно. Губы пухлые — нижняя чуть полнее верхней, и когда она говорила, они двигались мягко, неспешно, и я поймал себя на том, что смотрю именно на них, хотя она вроде что-то спрашивала.

На переносице и скулах сидели бледные веснушки — еле заметные, как будто их нарисовали и наполовину стёрли. Я почему-то представил, как провожу по ним пальцем, и от этой мысли внутри всё сжалось. Не в голове — ниже. В животе. И ещё ниже.

От неё пахло чем-то тёплым — не духами, а просто кожей, нагретой ветром. Она сидела близко, ближе, чем сидят незнакомцы, и её плечо почти касалось моего. Я чувствовал тепло, которое шло от неё сквозь рукав её дурацкой кожанки. И чувствовал, как мои ладони становятся влажными.

— Меня зовут Аврора, — сказала она. — Сбегаю от босса, который думает, что я сейчас на совещании.

— А ты на самом деле?..

— На крыше. Смотрю на звёзды. — Она откинула голову и посмотрела в небо. Звёзд почти не было — город съедал их своим светом. — Когда долго работаешь с цифрами, забываешь, что небо — оно настоящее. Не пиксельное.

Она говорила, а я просто смотрел, как двигаются её губы, и не мог сосредоточиться ни на одном слове. Внизу живота тянуло — знакомо, неловко, как по утрам, когда ещё не проснулся толком, а тело уже живёт своей жизнью. Я неза-

метно одёрнул футболку, надеясь, что она ничего не заметит.

— Кем ты работаешь? — спросил я, просто чтобы что-то сказать.

— Консультантом по кибербезопасности. Скука смертная. Проверяю чужие сети на дыры, пишу отчёты, делаю вид, что мне не плевать. А ты?

Я замялся.

— Школьник.

Она повернулась ко мне. Взгляд — цепкий, оценивающий, но без враждебности.

— Школьник, который лазает по чужим сетям в три часа ночи, — сказала она. — Угадала?

Внутри всё сжалось.

— С чего ты взяла?

— У тебя на экране был терминал. Я видела, когда ты поднимался. Свет от лестницы.

Я сунул руку в карман. Телефон был заблокирован.

— Расслабься, — она хмыкнула. — Я не из полиции. Мне плевать, кто ты и что ты делаешь. Мы сюда пришли не для допросов.

Она отвернулась к городу. Пауза затянулась. Ветер швырнул в лицо мелкую пыль. Я должен был встать и уйти — и, наверное, так бы и сделал, если бы она не добавила:

— У меня тоже есть место, куда я хожу, когда страшно. Только моё — не крыша. Моё — под землёй. Заброшенная станция метро, которую закрыли лет двадцать назад. Там тихо, как в могиле. И никто не найдёт.

— Почему ты мне это рассказываешь?

— Потому что ты похож на человека, который никому не рассказывает. — Она пожала плечами. — Как я. Иногда проще выговориться незнакомцу, правда? С ним нет прошлого. Нет обязательств. Только здесь и сейчас.

Я смотрел на неё. Ветер играл с прядями волос, город шумел внизу, и впервые за последние сутки я почувствовал что-то, кроме страха. Что-то похожее на облегчение.

— Меня зовут Алекс.

— Я знаю.

— Откуда?

Пауза. Ровно секунда — но какая-то неправильная секунда.

— Ты сам сказал. Только что.

— Нет. Я не говорил.

Ещё одна пауза. Ветер донёс запах дождя. Где-то вдалеке сверкнула молния.

— Значит, показалось, — сказала она легко, но взгляд от моего отвела.

Я должен был зацепиться за это. Должен был спросить ещё раз. Но она вдруг встала — одним плавным, кошачьим движением — и отряхнула джинсы. Свет фонарей скользнул по её лицу, на мгновение осветив веснушки.

— Мне пора. Босс будет злиться. — Она сделала пару шагов к лестнице и обернулась.

— Слушай, Алекс. Если захочешь ещё поговорить — я бываю здесь по средам. Или...

Она достала из кармана маркер, взяла мою руку и написала на запястье номер. Цифры мелкие, неровные. Пальцы у неё были тёплые, и от этого прикосновения по коже побежали мурашки. Я надеялся, что она не заметила.

— Или позвони. Когда будет страшно.

Она ушла. Шаги стихли в лестничном пролёте. Я остался один на крыше, с номером на запястье и двумя вопросами, которые кололись где-то под рёбрами.

Откуда она знает моё имя?

И второй — тот, который я даже боялся сформулировать:

Почему мне так сильно хочется ей позвонить?

Спортзал пах потом и резиной. Кроссовки скрипели по лакированному полу, мяч глухо стучал — сначала в доску, потом в кольцо, потом в пол. Я отрабатывал бросок с трёхочковой. Вернее, пытался.

— Хэнкс, ты сегодня спишь на ходу! — крикнул тренер.

— Ещё раз мимо — и бежишь пять кругов!

Я кивнул, прицелился. Мяч ушёл влево и даже не задел кольца.

— Пять кругов, Хэнкс!

Я побежал. Ноги гудели, дыхание сбивалось, но голова наконец прояснилась. Бег — это тупо и просто. Ставишь одну ногу, потом другую. Не думаешь ни о чём. Ни о

«Восточном Фениксе», ни о зашифрованных каналах, ни о сообщении без подписи.

Ни о светлых глазах и бледных веснушках.

Я пробежал круг и понял, что думаю именно о них. О том, как она написала номер на запястье. О том, что маркер до сих пор не стёрся — я специально мыл руки осторожно. Идиот.

— Хэнкс, ты покраснел! — крикнул кто-то из ребят. — Влюбился, что ли?

— Отвали, — буркнул я и прибавил скорость.

Третий круг. Четвёртый. Сердце колотилось где-то в ушах. Пятый круг я пробежал быстрее всех.

Номер на запястье почти исчез. От маркера остались только бледные разводы — семь-три-девять на последних цифрах, остальное уже не разобрать. Но я и так помнил. Всё помнил.

Два дня я не звонил. Убеждал себя, что это глупо. Она старше, она работает на каких-то там дядь, у неё своя жизнь, а я школьник, который даже бросок с трёхочковой нормально не кладу. Мы с разных планет.

На третий день я сдался.

Был вечер. Мама ушла к подруге — сказала, вернётся поздно, чтобы не ждал. Я сидел в подвале, но ноутбук не включал. Просто сидел в темноте и крутил телефон в руке.

Экран загорался, гас, снова загорался. Я открывал список контактов, набирал первые три цифры, стирал. Опять набирал. Блокировал телефон. Клал на стол. Брал снова.

— Да блин, — сказал я вслух.

В тишине подвала голос прозвучал глухо и жалко. Я представил, как это выглядит со стороны, и мне стало смешно.

Здоровый семнадцатилетний парень боится позвонить девушке. Не вломиться в банковский сервер, не пройти мимо мамы с её детектором лжи, а просто нажать кнопку вызова.

Я набрал номер целиком. Палец завис над зелёной трубкой.

Она сказала: «Позвони. Когда будет страшно».

Мне не было страшно. Мне было... я даже не знал, как это называется. Как будто внутри завели мотор, а ключ не вытащили. Всё гудело и дрожало.

Я нажал.

Гудок. Второй. Третий. Я уже хотел сбросить — и тут щелчок.

— Да? — Голос был спокойный, но не сонный. Как будто она ждала звонка. Может, не моего, но ждала.

Я открыл рот. Закрыл. В горле пересохло.

— Алло? — снова она, уже с лёгким раздражением.

— Привет. Это Алекс.

Пауза. Маленькая, но я успел представить всё: что она меня не помнит, что номер дала из вежливости, что сейчас скажет «извини, я занята» и повесит трубку.

— Алекс с крыши? — спросила она.

— Он самый.

И тут она засмеялась. Негромко, но как-то тепло. У меня внутри всё перевернулось.

— Ну наконец-то, — сказала она. — Я уж думала, ты никогда не позвонишь. Обидно было бы.

— Почему обидно?

— Потому что я редко даю свой номер. Тем более на крыше. Тем более маркером.

Я улыбнулся. В темноте подвала улыбка получилась дурацкая, но никто же не видел.

— Я думал, ты забыла, — сказал я.

— Я ничего не забываю. — Она сказала это без кокетства,

просто как факт. — Ты как? Живой?

— Живой. А ты?

— Тоже. Сажу на работе, делаю вид, что занята. Босс сегодня злой как чёрт. Пришлось спрятаться в серверной.

— Ты сейчас в серверной?

— Ага. Тут холодно и шумно, но зато никто не заходит. Идеальное место для разговора.

Я представил её там: среди гула серверов, в этой своей кожанке, с телефоном у уха.

Представил светлые глаза в полутьме. Внизу живота потянуло — как тогда, на крыше.

— Слушай, — сказал я, — а ты правда консультант по безопасности?

Пауза. На этот раз подлиннее.

— А кем ещё я могу быть?

— Не знаю. Ты просто... слишком много знаешь. Для консультанта.

— Может, я хороший консультант.

— Может. А может, нет.

Она не ответила. В трубке слышался только гул — серверный, не уличный. Я представил, как она улыбается своей кривой улыбкой и решает, что мне можно рассказать, а что нет.

— Алекс, — сказала она наконец, — давай встретимся. Не на крыше. В нормальном месте. Завтра вечером. Сможешь?

Сердце стукнуло два раза — быстро, подряд.

— Смогу. Где?

— Есть одно кафе на набережной. «У Ларса». Там варят кофе, от которого не спишь трое суток, и подают дурацкие круассаны с шоколадом. В восемь. Идёт?

— Идёт.

— И Алекс.

— Да?

— Не копай под меня. Пока. Сам понимаешь.

Она отключилась. Я остался сидеть в темноте, с телефоном в руке, и чувствовал, как внутри разливается что-то горячее и немного опасное.

Она сказала «пока». Не «вообще не копай». А «пока».

Я отложил телефон. Выдохнул. Улыбка всё ещё сидела на лице, и я ничего не мог с ней поделать.

Завтра. В восемь. «У Ларса».

Я понял, что до завтра не усну.

—

Глава 2: Тридцать шесть тысяч секунд

Утро началось с того, что я проспал.

Телефон пищал уже минут десять, но я лежал, уткнувшись лицом в подушку, и пытался удержать остатки сна. Снилось что-то хорошее — кажется, крыша, ветер, светлые глаза. Детали таяли быстрее, чем я их ловил.

— Алекс! — голос мамы из-за двери. — Ты опоздаешь!

— Встаю, — прохрипел я.

За окном было серо и мокро. Ночью прошёл дождь, и улица блестела, как свежевывмытый код. Я сел на кровати, потёр лицо. Восемь утра. До вечера — целая вечность.

В ванной я долго стоял под горячей водой, пытаюсь проснуться. Запястье ещё хранило слабый след маркера — три последние цифры, семь-три-девять. Я провёл по ним пальцем. Не смывать. Пусть останутся.

— Алекс, ты там утонул? — снова мама.

— Иду!

Школа встретила привычным гулом. Коридоры, раздевалка, чей-то рюкзак под ногами. Я шёл сквозь толпу, как обычно, — серый, невидимый, никто не толкал, но никто и не здоровался. Раньше меня это бесило. Сегодня — нет. Сегодня у меня было кое-что поважнее.

Первый урок — физика. Мистер Ковальски монотонно рассказывал про законы Ньютона, и его голос сливался в ровный гул, как системный блок. Я смотрел в окно.

Там ветер гнал облака, и они цеплялись за верхушку той самой шестнадцатietàжки. Нашей шестнадцатietàжки.

— Хэнкс, — окликнул Ковальски. — Может, поделитесь с классом, о чём вы так увлечённо думаете?

— О гравитации, сэр.

Класс хмыкнул. Ковальски прищурился, но отстал.

На самом деле я думал о том, что до восьми вечера оста-

валось ещё десять часов. Десять часов — это шестьсот минут. Тридцать шесть тысяч секунд. Я считал их, как строчки кода, которые нужно выполнить, одну за другой, чтобы добраться до финала.

На большой перемене ко мне подсел Дэн — мой единственный приятель, с которым мы иногда играли в приставку.

— Ты какой-то странный последние дни, — сказал он, разворачивая бутерброд. — То летаешь, то спишь на ходу. Что происходит?

— Ничего.

— Ага, конечно. — Он откусил бутерброд и посмотрел на меня с видом детектива. — Ты познакомился с кем-то?

Я чуть не подавился соком.

— С чего ты взял?

— У тебя лицо другое. Как у человека, который ждёт чего-то. И ты перестал смотреть в телефон каждые пять секунд. Раньше ты только и делал, что сидел в этом своём чате или что у тебя там.

Я пожал плечами. Дэн был хорошим парнем, но рассказывать ему про Аврору я не собирался. Она была из другого мира. Не из того, где бутерброды и приставка.

— Просто не выспался, — сказал я. — Экзамены скоро.

— Ну-ну. — Он не поверил, но допрашивать не стал. За это я его и ценил.

На истории я почти заснул. На литературе — тупо смотрел в учебник, не различая букв. Время тянулось, как жвачка. Каждая минута была длиннее предыдущей.

После уроков я пошёл на тренировку. Сегодня тренер не орал — наоборот, похвалил за точность. Я попал все три из трёх, потом ещё два подряд. Руки работали сами, голова была где-то далеко.

— Молодец, Хэнкс, — сказал тренер. — Если так пойдёт, возьму тебя на городские. Что с тобой случилось?

— Просто хороший день, сэр.

Хороший. И одновременно — бесконечный.

Дома я зашвырнул рюкзак в угол и рухнул на кровать. До восьми оставалось два часа сорок минут.

Два часа сорок минут. Я мог бы ещё раз проверить тот зашифрованный канал. Мог бы поискать информацию об Авроре — фамилию, профиль в сети, что угодно. Но что-то меня останавливало. Она сказала: «Не копай под меня. Пока». И я чувствовал — если начну копать сейчас, то найду то, что мне не понравится. А я хотел, чтобы этот вечер был просто хорошим. Хотя бы один.

Я встал, подошёл к шкафу. Футболки лежали стопкой — чёрная, серая, синяя, ещё одна серая. Я перебрал их все. Чёрная — слишком мрачно. Синяя — как на школьную дискотеку. Серая... серая — это цвет моей обычной жизни. Цвет мыши. Нет уж.

Я нашёл в глубине полки старую бордовую футболку. Надевал её раза два. Посмотрел в зеркало — вроде нормально. Сверху накинул толстовку, ту, что без надписей.

Джинсы. Не те, что на тренировку, — чистые. Кроссовки — не самые убитые.

Я снова глянул в зеркало. Парень напротив был всё тем же Алексом Хэнксом, но глаза у него блестели иначе.

Из гостиной пахло ужином. Мама что-то жарила. Я зашёл на кухню, стараясь выглядеть обычно.

— Я сегодня вечером гуляю. С другом.

Мама обернулась. Сковородка шипела, но она смотрела не на неё — на меня. Пауза.

— С каким другом?

— С Дэном. Мы в кафе хотим посидеть. «У Ларса», на набережной.

Она вытерла руки полотенцем. Медленно.

— «У Ларса» — это приличное место. Я там бывала когда-то. — Она помолчала. — Во сколько вернёшься?

— К десяти. Может, чуть позже.

Ещё одна пауза. Её глаза сканировали моё лицо, и я знал, что она видит больше, чем мне хотелось бы.

— Алекс, — сказала она тихо.

— Мам.

— Ты помнишь, что я тебе говорила?

— Помню. Если станет страшно — приду к тебе.

Она кивнула. Потом вдруг улыбнулась — не следовательской улыбкой, а просто маминой.

— Бордовая футболка тебе идёт. Давно её не доставал.

Я почувствовал, как краснею, и быстро вышел в коридор. За спиной мама тихо засмеялась.

До восьми оставался час. Я вышел из дома за сорок минут — чтобы не опоздать, чтобы пройтись, чтобы ветер выдул из головы лишние мысли.

Город был мокрым после дождя. В лужах отражались фары и неон. Я шёл к набережной и чувствовал, как внутри всё натягивается — как струна перед аккордом.

«У Ларса». Восемь вечера. Аврора.

Я не знал, что будет дальше. Не знал, кто она на самом деле. Но в этот вечер, под мокрым небом и светом фонарей, я готов был об этом забыть.

Глава 3. «У Ларса»

Кафе «У Ларса» пряталось в цокольном этаже старого кирпичного дома на набережной. Никакой вывески — только маленькая латунная табличка у двери и жёлтый свет из окна наполовину под землёй. Если не знаешь — пройдёшь мимо. Я знал. Дэн как-то таскал меня сюда после тренировки.

Я пришёл на десять минут раньше. Занял столик у окна — оно выходило прямо на набережную, и видно было, как по тёмной воде бегут огни. Внутри пахло кофе и корицей, где-то тихо играл джаз. Заказал два капучино — не придумал ничего умнее.

— Ты уже кого-то ждёшь или просто медитируешь на пенку? — раздалось над ухом.

Я вздрогнул. Аврора стояла у столика и улыбалась своей кривой улыбкой. Сегодня без кожанки — в мягком сером свитере с высоким горлом. Волосы распущены, длиннее, чем я думал. На плече висела сумка с маленькой нашивкой в виде феникса — тогда я не придавал этому значения.

— Жду, — сказал я. — Кофе уже заказал.

Она села напротив, подвинула чашку, понюхала.

— Капучино. Классика. — Глоток. — Угадал.

Я выдохнул.

— Ты рано пришёл, — сказала она.

— Ты тоже. Без десяти восемь.

— Я люблю приходить первой. Контролировать пространство. — Она обвела взглядом кафе. — Но ты меня опередил. Плюс тебе.

— Я не знал, что мы считаем плюсы.

— Я считаю. Всегда.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела на меня — прямо, изучая. Я почувствовал себя кодом, который она читает.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Просто в прошлый раз было темно. Ты выгля-

дишь моложе.

— Мне семнадцать.

— Я знаю. Но на крыше ты казался старше.

Я хотел спросить «откуда ты знаешь, сколько мне лет», но вспомнил, что она и так знает слишком много. Решил не начинать.

— А тебе сколько?

— Девятнадцать. Рано закончила школу, экстерном. Родители-карьеристы. Скучная история.

— Звучит довольно интересно.

— Звучит — да. Жить так — нет. — Она отвела взгляд, и на секунду её лицо стало жёстким. Но тут же снова улыбнулась: — Ладно, Алекс-с-крыши, рассказывай. Не взламывал банки?

— Неделю. Почти.

— Почти?

— Да так. Ничего серьёзного.

Я не стал рассказывать, что пытался отследить отправителя того сообщения. И что у меня не получилось.

— Ты умный, Алекс. У тебя хороший стиль — чистый. Кто тебя учил?

— Никто. Сам.

— Так не бывает.

— Ну... может, отец.

Слова вырвались прежде, чем я успел их остановить. Аврора подняла бровь.

— Отец?

— Я его не помню. Он исчез, когда я был маленьким. Но мама говорила, что он работал с компьютерами. Может, у меня это от него.

Аврора смотрела на меня странно. Не с жалостью — с чем-то другим, чего я не мог разобрать.

— А твоя мама? — спросила она. — В курсе, чем ты занимаешься по ночам?

— Она бывшая из полиции. Следователь.

Ложка в её руке на секунду замерла. Но тут же снова пришла в движение.

Интересная у вас семья.

— Ага. Только я ей не рассказываю. Про подвал. Про код. Про всё это.

— Почему?

— Потому что она начнёт действовать. А я не хочу, чтобы она действовала. Она уже однажды вошла в неприятности. Из-за меня она не должна больше рисковать.

Аврора кивнула.

— Понимаю. Знаешь, Алекс, мне кажется, мы с тобой похожи больше, чем ты думаешь.

— Чем?

— Мы оба прячемся. Ты — в подвале. Я — в серверной.
Ты — от мамы. Я — от босса. У тебя есть Призрак, у меня...
— Она осеклась.

— У тебя что?

— У меня есть ты, — сказала она.

Я не нашёлся, что ответить. Внутри что-то перевернулось и встало на место.

За окном шёл дождь. Капли стучали по стеклу. Бармен сменил музыку — теперь играло что-то фортепианное. Мы остались почти одни.

— Хочешь ещё кофе? — спросил я.

— Хочу. Но если я выпью ещё один, то не усну до утра.

— Я тоже.

— Тогда давай.

Я заказал ещё два капучино. Когда бармен принёс чашки, Аврора обхватила свою ладонями, как будто грелась.

— Алекс, а что ты будешь делать после школы?

— Не знаю. Поступлю куда-нибудь.

— Это скучно. Ты уже программист. Тебе не нужен диплом, чтобы писать код. — Она подняла глаза. — Тебе нужно что-то ещё.

— Что?

Что-то настоящее. Ради чего стоит рисковать.

— Как «Восточный Феникс»?

— Например.

— Но ты же сама сказала — остановись.

— Я сказала «остановись» не потому, что это плохая идея. А потому, что ты лез туда один и без подготовки. — Она наклонилась ближе: — «Восточный Феникс» — это очень серьёзная структура. Если хочешь в это лезть — нужно знать правила игры. И иметь надёжного партнёра.

— Ты предлагаешь себя?

— А ты видишь здесь кого-то ещё?

Она смотрела в упор. Светлые глаза не мигали.

— Я подумаю, — сказал я.

— Думай. — Она откинулась на спинку. — А пока расскажи что-нибудь простое. Что ты любишь есть? Какую музыку слушаешь? Друзья есть?

— Один. Дэн.

— И всё?

— Мне хватает.

— А девушка?

Я отпил кофе. Спокойно, без спешки. Поставил чашку.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что я не ищу кого попало.

Она чуть приподняла бровь. Уголок губ дёрнулся вверх.

— Ого. Уверенно.

— А ты? — спросил я. — Парень есть?

— Я первая спросила.

Я ответил. Теперь ты.

Она посмотрела на меня долгим взглядом — оценивающим, но не холодным. Как будто прикидывала, стою ли я честного ответа.

— Нет, — сказала она. — Никого.

И улыбнулась своей кривой улыбкой.

Мы просидели до закрытия. Бармен начал гасить свет, и мы вышли под дождь — мелкий, почти невесомый.

— Спасибо за кофе, — сказала Аврора, поднимая воротник. — И за разговор.

— Тебе спасибо. За то, что не спрашиваешь лишнего.

— Я и так знаю всё, что мне нужно.

— Откуда?

Она шагнула ближе и вдруг провела пальцем по моему запястью — там, где ещё держался след от маркера.

— Когда-нибудь я тебе расскажу. Но не сегодня.

Развернулась и пошла вдоль набережной. Дождь съедал её силуэт, и через минуту я уже не был уверен, была ли она вообще.

Я стоял под фонарём, смотрел на тёмную воду и чувствовал, как внутри всё звенит. Не от кофе. От неё.

Дверь открылась тихо, но свет в гостиной ещё горел. Мама сидела в кресле с книгой — и по тому, как она подняла голову, я понял: ждала. Книга была перевёрнута.

— Я думала, к десяти, — сказала она.

— Мы засиделись. Извини.

Я стянул мокрую толстовку, повесил на крючок. Кроссовки поставил сушиться.

— Как Дэн?

— Что?

— Ты сказал, что идёшь с Дэном.

Чёрт. Забыл.

— Нормально, — сказал я, не оборачиваясь. — Всё нормально.

— Алекс, сядь.

— Мам, я устал. Давай завтра.

— Сядь.

Я вздохнул — громче, чем нужно, — и сел на диван. Не напротив неё, а с краю, ближе к выходу.

— Я не допрашиваю, — сказала она. — Просто...

— Просто что? Ты видишь то, что видишь, потому что ты следователь. Я знаю.

Она помолчала.

— Ты надел бордовую футболку, которую ненавидишь. Ты не ужинал. От тебя пахнет кофе, а не колой. Ты светишься.

— И что? — Я скрестил руки. — Я что, не могу выпить кофе? Не могу надеть футболку? Мне теперь отчитываться за каждый вечер?

— Я не прошу отчитываться.

— Тогда зачем этот разбор? «Футболка не та, кофе не тот, светишься»... Мам, мне семнадцать, не семь.

Мама смотрела на меня. Спокойно, без злости. И от этого было только хуже — как будто я бил в подушку.

— Я просто хочу, чтобы ты был осторожен, — сказала она.

— Я осторожен.

— Правда?

— Правда. Я не маленький. Я могу сам разобраться, с кем мне гулять и что пить.

Она откинулась в кресле. Пауза.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Разбейся.

Я встал.

— Спокойной ночи.

— Алекс.

Я замер у двери в коридор.

— Я тебе верю, — сказала она. — Просто помни: я тоже когда-то была подростком. И знаю, как это бывает — когда внутри всё переворачивается.

Я ничего не ответил. Прошёл в комнату, закрыл дверь — не хлопнул, но закрыл плотно. Сел на кровать.

Я ничего не ответил. Прошёл в комнату, закрыл дверь — не хлопнул, но закрыл плотно. Сел на кровать.

Внутри было паскудно. Она же не нападала. Она просто волновалась. А я сорвался. Но правда в том, что я не знал, как по-другому. Если не огрызаться — она пройдёт сквозь

защиту, как горячий нож сквозь масло, и вытащит всё: про Аврору, про канал, про «Восточный Феникс». А этого нельзя допустить. Не потому что я ей не доверяю. А потому что однажды она уже рискнула всем — и я не хочу, чтобы это случилось снова. Из-за меня.

Телефон молчал. Я открыл чат — тот самый, зашифрованный. Сообщение всё ещё висело: «Призрак, остановись. За тобой следят».

Кто следит? Аврора? Мама? Кто-то третий?

Я отбросил телефон на подушку и уставился в потолок. Спать не хотелось. Думать — тоже. Но перед глазами всё равно стояли светлые глаза и кривая улыбка.

Мама сказала: «Я знаю, как это бывает».

Может, и знает. Но это не меняет ничего. Я сам разберусь. Я ушёл в комнату. Дверь закрылась.

Лейла осталась в кресле. Книга лежала на подлокотнике — она так и не вспомнила, на какой странице остановилась. За окном шуршал дождь. В доме было тихо — только холодильник гудел на кухне да ветер иногда бросал капли в стекло.

Она посидела ещё минуту, потом встала. Отнесла чашку в раковину. Вымыла. Поставила на сушилку.

Бордовая футболка.

Кофе вечером. Он никогда не пьёт кофе вечером — говорит, что потом ворочается до утра.

И взгляд. Рассеянный, направленный куда-то внутрь. Так смотрят, когда внутри что-то происходит. Что-то, чем не делаются.

Лейла подошла к двери в подвал. Та была заперта. Алекс думал, что она не знает о его «кабинете». Знала. По ночам оттуда доносился гул системного блока, а однажды она спускалась, когда его не было дома, и видела провода, уходящие вниз. Просто не заходила. Уважала границы.

Сегодня — почти зашла. Взялась за ручку. Отпустила.

Вместо этого прошла в спальню. В шкаф, на верхней полке, за старыми коробками с документами лежал ноутбук. Она не включала его два года. Достала, протёрла от пыли, поставила на стол.

Экран загорелся. Пароль — дата рождения Алекса. Он бы

смеялся, если бы узнал: бывший следователь по особо важным, а пароль как у школьника.

Ноутбук загрузился. Она открыла старые папки.

«Восточный Феникс».

Холод внутри — тот самый, что два года назад. Тогда она поклялась забыть это название. Ради Алекса. Ради их безопасности. Но если сын каким-то образом наткнулся на то же дело — она должна знать.

Пролистала файлы. Вот Романовский — на всех фотографиях с бокалом. Вот схемы подставных фирм. Вот скриншоты переписок, которые ей не дали приобщить к делу. Вот список тех, кто ещё два года назад работал на «Феникс» в сети. Хакеры, операторы, «призраки».

Имя мелькнуло в углу старого отчёта. Позывной: Призрак.

Призрак. Тогда, два года назад, этот человек пытался взломать сервер Романовского с другой стороны — не как она, не через следствие, а напрямую. Она думала, что это кто-то из конкурентов. Теперь уже ни в чём не была уверена.

Она открыла почтовый ящик. Набрала сообщение старому напарнику — Маркусу. Единственному, кто ещё оставался в системе и не боялся говорить.

«Мне нужно знать, кто сейчас работает по «Восточному Фениксу». Живой кто-то есть?»

Ответ пришёл через три минуты:

«Лейла? С ума сошла? Не лезь туда снова. У тебя пацан».

«У тебя пацан». Значит, Маркус знал больше, чем говорил.

«Мой пацан, возможно, уже влез туда сам, — написала она. — Помоги мне его вытащить. Я не для дела. Я для себя».

Долгая пауза. Потом:

«Завтра. В том же месте, что и тогда. В 12. Без телефона».

Лейла выключила ноутбук. Убрала обратно на полку, прикрыла коробками. Легла в кровать.

За стеной было тихо. Алекс, наверное, уже спал. Или лежал и смотрел в потолок — как она.

Завтра она начнёт копать. Тихо, осторожно, чтобы сын не узнал. Потому что если узнает — не простит. Но если она не полезет — может потерять его навсегда.

Из двух зол она выбрала то, с которым могла жить.
Встреча

В двенадцать она уже стояла у входа в старый сквер за зданием бывшего следственного управления. Место было так себе — облезлые скамейки, голуби, пара бомжей на дальней аллее. Но два года назад они с Маркусом курили здесь после допросов, и никто не подслушивал. С тех пор ничего не изменилось.

Маркус появился ровно в двенадцать ноль три. Он всегда опаздывал на три минуты — не из вредности, а из привычки проверять, нет ли хвоста. Похудел, осунулся, но глаза остались те же — цепкие, с прищуром.

— Принесла? — спросил он вместо приветствия.

Лейла похлопала по карману куртки.

— Без телефона. Как ты просил.

— Хорошо. — Он сел на скамейку, подвинулся, освобож-

дая ей место. — Садись. В ногах правды нет.

Она села. Некоторое время молчали. Голуби дрались за хлебную корку у урны.

— Ты выглядишь... — начал Маркус.

— Не надо.

— Я хотел сказать «хорошо». Для человека, которого два года назад вышвырнули из органов с волчьим билетом.

— Спасибо, — сухо сказала она. — Ты тоже ничего. Для человека, который до сих пор там работает.

— Я не жалуясь. — Он достал пачку сигарет, предложил ей. Она покачала головой. Он закурил. — Значит, пацан влез?

— Я не знаю точно. Но что-то происходит. Он стал скрытным. Не просто подростковое «отстаньте от меня». Он что-то скрывает. Что-то серьёзное.

— Что именно?

— «Восточный Феникс».

Маркус замер с сигаретой у рта. Потом медленно выдохнул дым.

— Ты уверена?

— Я нашла старые файлы. Два года назад был некто с псевдонимом «Призрак». Он пытался взломать сервер Романовского — шёл с той же стороны, что и я, но другим путём. Тогда я подумала — конкурент. Сейчас я так не думаю.

— Почему?

— Потому что мой сын сидит по ночам в подвале. Пишет код. Свет от монитора видно даже сквозь щель под дверью. — Она помолчала. — И потому что у него появилась девушка. Я не знаю, кто она. Но когда я спросила, он соврал. Сказал, что гулял с Дэном. А Дэн болеет за «Лейкерс». Я проверила.

Маркус усмехнулся.

— Ты не меняешься.

— Меняюсь. Раньше я бы уже взломала его переписку. А теперь сижу и спрашиваю у тебя разрешения.

— Разрешения на что?

— На то, чтобы узнать, кто такой этот «Призрак». Жив ли он. Имеет ли отношение к моему сыну. И к девушке, с которой он был вчера в кафе.

Маркус затушил сигарету о подлокотник скамейки. Бросил окурок в урну. Мимо.

— Лейла, — сказал он тихо, — «Восточный Феникс» — это не просто банк. Ты знаешь. Я знаю. Романовский — только верхушка. Под ним — сеть, которая раскинута шире, чем мы думали. Люди, которые два года назад заставили тебя уйти, до сих пор там. И у них длинные руки.

— Я знаю.

— Если твой пацан действительно сунулся в это — он в опасности. Но если ты начнёшь копать, ты привлечёшь к нему ещё больше внимания. Ты это понимаешь?

— Понимаю. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Но сидеть и ждать я не могу. Я мать, Маркус. Не следователь. Мать.

Он выдержал её взгляд. Потом кивнул.

— Хорошо. Я узнаю, что смогу. По своим каналам. «Призрак» — я слышал это имя.

Оно всплывало около года назад. Кто-то молодой, очень способный. Кажется, девушка.

— Девушка?

— По слухам. Но ты сама знаешь — слухи в нашей работе ничего не стоят. — Он встал. — Я выйду на связь через пару дней. Не звони мне сама. Я сам.

— Спасибо.

— Не благодари. Я твой должник. — Он сделал пару шагов и обернулся. — Лейла.

— Что?

— Будь осторожна. Следи за пацаном. Но не души его. Если он такой же умный, как ты, — он почувствует слежку и закроется ещё сильнее.

— Я знаю.

— Не знаешь. Ты всегда думала, что лучше всех знаешь,

как надо. — Он грустно улыбнулся. — Но это твой сын. Не подозреваемый. Не забывай.

Она кивнула. Маркус ушёл — растворился за деревьями так же тихо, как появился.

Лейла осталась на скамейке одна. Голуби закончили драку и разлетелись. Ветер гнал по асфальту сухие листья.

Девушка. Молодая. Очень способная.

Та, с которой Алекс был вчера в кафе. Та, ради которой он надел бордовую футболку. Та, от которой пахло нагретой дождём кожей.

«Призрак».

Если это она — всё хуже, чем Лейла думала. Потому что одно дело — когда твой сын лезет в опасность сам, и совсем другое — когда его ведут. За руку. В темноту.

Она встала и пошла к метро. Нужно было возвращаться домой, готовить ужин, делать вид, что всё в порядке. Но внутри уже запустился механизм, который она не включала два года.

Она не будет давить на Алекса. Не будет допрашивать.

Она найдёт эту девушку сама.

Глава 4. Дурацкая бордовая футболка

Я захлопнула дверь квартиры и прислонилась к ней спиной. В коридоре было темно, но свет я включать не стала. Темнота — это нормально. Я привыкла.

Сумка упала на пол. Кожанка — следом. Стащила мокрые кроссовки и прошла босиком на кухню. Налила воды из-под крана, выпила стоя, глядя в тёмное окно. Дождь кончился, но стёкла ещё были мокрыми, и уличные фонари расплывались в них жёлтыми пятнами.

В голове крутился вечер.

Кафе. Саксофон. И он.

Я села напротив и сразу заметила футболку. Бордовая. Дурацкая. Она явно пролежала в шкафу год, если не больше — слишком новая на вид, слишком мятая в складках, как будто её достали специально. Ради меня. Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Он готовился. Семнадцатилетний парень стоял перед шкафом и выбирал, в чём пойти на встречу. Это было трогательно. Я запретила себе думать об этом и стала

слушать.

Пока он говорил, я разглядывала его. Тёмно-русые волосы — волнистые, влажные после дождя. Он явно провёл по ним ладонью пару раз, пока шёл, и теперь они торчали в разные стороны. Мне захотелось поправить их. Я, разумеется, не стала. Карие глаза — тёплые, но с напряжением, как у человека, который всегда чуть настороже. Когда он слушал, он не просто кивал — он изучал. Меня. И от этого взгляда становилось не по себе. Не потому что страшно. Потому что он смотрел на меня, а не сквозь. Так на меня давно никто не смотрел.

Я отметила его губы — чёткие, с резко очерченной верхней линией. Нижняя чуть полнее. И подбородок твёрдый, упрямый. С таким подбородком спорят, даже когда неправы. Я заметила это ещё на крыше: он не умеет отступать. Даже когда надо бы.

Он был высокий, выше меня на полголовы, и сидел за столиком, чуть ссутулившись — не от неуверенности, просто привык быть выше всех и наклоняться к собеседнику. Футболка обтягивала плечи и руки. Не качок, но видно — тело тренированное, живое. От него пахло дождём и кофе, и когда он потянулся за чашкой, я заметила его пальцы — длинные, с тонкими запястьями. Пальцы пианиста. Или хакера.

А потом он сказал: «Потому что я не ищу кого попало». И посмотрел на меня. Прямо. Без вызова, но и без страха.

Я чуть не рассмеялась. Не над ним — над собой. Потому что он говорил это мне. А я... я не знала, кто я ему. И не знала, кто он мне. Но что-то внутри уже сдвинулось. Как будто тронулась стрелка прибора, который раньше стоял на нуле.

Я допила воду. Поставила стакан. Прошла в комнату, села на подоконник.

С улицы доносился шум проезжающих машин. В квартире было тихо — я жила одна и любила это. Никто не спрашивает, где была. Никто не ждёт. Никто не смотрит на часы. Раньше это казалось свободой. Сегодня — нет.

Я прокручивала в голове наш разговор. Как он рассказывал про мать — бывший следователь, ушла из органов после какой-то тёмной истории. Как он сказал: «Она однажды уже рискнула всем — и я не хочу, чтобы это случилось снова. Из-за меня». У него был такой взгляд, когда он это говорил, — не жалобный, не ищущий сочувствия. Скорее — как у человека, который взял на себя ответственность и несёт её молча.

Я узнала этот взгляд. Я сама так смотрела. В зеркало.

И когда он спросил: «А ты? Парень есть?» — я ответила «нет». И это была правда. Но дело не в парне. Дело в том, что я вообще никому не рассказывала о себе. А ему — захотелось. Не всё. Но что-то. Про крышу, про подземную станцию, про босса, который бесит. Я говорила и ловила себя на мысли: я не играю. Я просто сижу в кафе с парнем, который меня слушает. И это — настоящее.

Я встала с подоконника, подошла к зеркалу в прихожей. Свет уличных фонарей падал на лицо — светлые глаза, бледные веснушки, кривая улыбка, которой сейчас не было. Я смотрела на себя и думала: что ты делаешь, Аврора? Ты пришла на крышу с одной целью. А теперь сидишь и не можешь выкинуть из головы его дурацкую футболку.

Я выключила свет. Прошла в спальню. Легла поверх одеяла, не раздеваясь. Спать не хотелось.

Я думала о том, увижу ли его снова. Не на крыше — в кафе. Или где-то ещё. Я не знала, когда мы встретимся в следующий раз и будет ли вообще этот следующий раз. Но мне хотелось, чтобы был.

И это было самым странным за весь вечер.

Я закрыла глаза. За окном шумел город. Где-то там, на другом конце, Алекс Хэнкс, наверное, тоже не спал. И, может быть, тоже думал обо мне.

От этой мысли внутри разливалось тепло. Я не стала его глушить.

Глава 5. Невидимый

Школа встретила привычным запахом — смесью мела, столовской выпечки и мокрой одежды. После дождя все были взъерошенные, сонные, злые. Я прошёл через турникет, кивнул охраннику и двинулся к своему шкафчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.